

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 38

28 февраля 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании с участием представителей заявителя ПАО «Т.» П. (доверенность № ... от 05 марта 2022 года, выданная на представление интересов ПАО «Т.» генеральным директором ПАО «Т.» Ш.; личность установлена по паспорту) и Шу. (доверенность № ... от 20 ноября 2022 года, выданная на представление интересов ПАО «Т.» генеральным директором ПАО «Т.» Ш.; личность установлена по паспорту), представителя адвокатов К. (доверенность ... от 30 января 2023 года, удостоверенная Б., временно исполняющей обязанности нотариуса города Москвы Ка.), Л. (доверенность ... от 30 января 2023 года, удостоверенная Б., временно исполняющей обязанности нотариуса города Москвы Ка.), М. (доверенность ... от 28 января 2023 года, удостоверенная Бо., нотариусом Б. нотариального округа Б. области), С. (доверенность ... от 30 января 2023 года, удостоверенная Б., временно исполняющей обязанности нотариуса города Москвы Ка.), Ч. (доверенность ... от 30 января 2023 года, удостоверенная Б., временно исполняющей обязанности нотариуса города Москвы Ка.) – Би. (личность установлена по паспорту), дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе ПАО «Т.» от 15 ноября 2022 года № ... (вх. № ... от 22.11.2022) в отношении адвокатов К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), Л. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), Ч. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 01 февраля 2023 года дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов К., Л., М., С., Ч. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель адвокатов К., Л., М., С. и Ч. – Би. в заседании Совета сообщил, что с Заключением Квалификационной комиссии его доверители и он ознакомлены, с выводами Комиссии согласны, дополнений не имеют. Отвечая на вопросы членов Совета, сообщил, что его доверители по всем заключенным договорам об оказании юридической помощи оказывали необходимую надлежащую квалифицированную юридическую помощь. За все время ее оказания доверитель представляемых им адвокатов – ПАО «Т.» не предъявлял никаких претензий ни к ее качеству, ни к представлявшимся отчетам. Каких-либо дополнительных требований к степени детализации отчета от доверителя также не поступало, поскольку ему было достоверно известна, какая юридическая помощь оказывалась адвокатами. На момент оказания юридической помощи ПАО «Т.» в полной мере был удовлетворен отчетами адвокатов. Гонорар (вознаграждение) адвокатов не относились ПАО «Т.» на затраты.

Представители заявителя ПАО «Т.» - П. и Шу. в заседании Совета сообщили, что с Заключением Квалификационной комиссии они ознакомлены, с выводами Комиссии не согласны. По их мнению, Комиссия не учла, что адвокаты не передали полученные документы, а в их отчетах не раскрыты детально действия, которые они совершили, оказывая юридическую помощь своему доверителю. Полагают, что адвокаты должны были представить детализированные отчеты, в противном случае нарушаются права заявителя, у него возникают налоговые риски. Налоговое законодательство принимает в качестве отчетов только конкретные сведения. Поэтому они в полном объеме поддерживают доводы жалобы и полагают, что детализированные отчеты должны быть представлены адвокатами за весь период с даты заключения каждого из договоров об оказании юридической помощи до даты их расторжения. На текущий момент им неизвестно, проводится ли в отношении ПАО «Т.» налоговая проверка.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что между доверителем ПАО «Т.» [*ранее ОАО «Т.» - Примечание Совета*] (далее – ПАО «Т.») в лице генерального директора ЗАО Корпорация «Т.» [*Управляющая компания ПАО «Т.» – Примечание Совета*] и адвокатами Адвокатского бюро «П.» в лице управляющего партнера П. были заключены Договоры об оказании юридической помощи от 16 июля 2015 года № ..., от 02 ноября 2015 года № ..., от 18 апреля 2016 года № ..., от 09 января 2017 года № ..., от 01 февраля 2018 года № ..., от 01 ноября 2018 года № ... (далее – Договоры).

Договор об оказании юридической помощи от 09 января 2017 года № ... предусматривал оказание различных видов юридической помощи ОАО «Т.» «для целей защиты интересов Клиента в рамках дел об административных правонарушениях, возбуждаемых в отношении Клиента».

Прочие Договоры об оказании юридической помощи предусматривали оказание юридической помощи как ПАО «Т.», так и назначенным указанным доверителем лицам, по широкому кругу вопросов.

Кроме того, 21 июня 2016 года между доверителем ООО «То.» и адвокатами Адвокатского бюро «П.» заключен Договор об оказании юридической помощи, предусматривающий оказание юридической помощи ООО «То.» или назначенному им лицу по широкому кругу вопросов.

В ходе оказания юридической помощи по вышеуказанным Договорам между ПАО «Т.» в лице генерального директора ЗАО Корпорация «Т.» и адвокатами Адвокатского бюро «П.» подписывались Акты сдачи-приемки, содержащие сведения о конкретном адвокате Адвокатского бюро «П.», оказавшем юридическую помощь, о периоде оказания юридической помощи, о размере вознаграждения адвоката за оказанную юридическую помощь. Также в указанных Актах приводились виды оказанной адвокатом юридической помощи без конкретизации каждого совершенного адвокатом юридически значимого действия.

Представитель заявителя ПАО «Т.» А. подтвердила в заседании Квалификационной комиссии 01 февраля 2023 года, что заявитель ПАО «Т.» располагает Актами сдачи-приемки, ежемесячно подписывавшимися по указанным выше Договорам об оказании юридической помощи, однако сейчас заявителю ПАО «Т.» требуются детализированные отчеты о юридической помощи, оказанной адвокатами К., Л., М., С., Ч.

26 ноября 2021 года генеральный директор АО Корпорация «Т.» Бо. обратился в ФСБ России, Следственный комитет РФ, Следственное управление СК РФ по С. области и Центральный межрайонный следственный отдел города Т., Прокуратуру С. области и города Т., Управление ФСБ РФ по С. области и по городу Т. с «Заявлением о рейдерском захвате».

26 ноября 2021 года Договоры об оказании юридической помощи, заключенные между ПАО «Т.» и партнерами Адвокатского бюро «П.» расторгнуты по обоюдному согласию с 28 ноября 2021 года на основании Соглашений о расторжении, заключенных между ПАО «Т.» в лице генерального директора АО Корпорация «Т.» и адвокатами Адвокатского бюро «П.» в лице управляющего партнера Адвокатского бюро «П.» (Далее – Соглашения о расторжении).

В вышеуказанных Соглашениях о расторжении сторонами констатировано надлежащее исполнение всех обязательств по Договорам и отсутствие взаимных претензий в связи с их заключением, исполнением и расторжением.

27 ноября 2021 года на официальном сайте ПАО «Т.» размещена публикация (пресс-релиз) о назначении Ш. генеральным директором ПАО «Т.».

29 ноября 2021 года на официальном сайте ПАО «Т.» размещена публикация (пресс-релиз) «Об итогах внеочередного собрания акционеров ПАО «Т.» от 27 ноября 2021 года», в которой указано, что на состоявшемся 27 ноября 2021 года внеочередном общем собрании акционеров было принято

решение о досрочном прекращении полномочий управляющей компании АО Корпорация «Т.» и членов совета директоров ПАО «Т.». В этой публикации также сообщалось об избрании председателем совета директоров Т., одновременно являющегося директором по правовым вопросам АО «О.», а генеральным директором ПАО «Т.» – Ш., который до этого возглавлял филиал «К.» компании «У.» в городе К. К. области. Кроме того, в публикации приведено заявление председателя совета директоров ПАО «Т.» Т. о том, что ПАО «Т.» «расценивает деятельность прежних органов управления как противоречащую интересам ПАО «Т.» и нанесшую предприятию значительный экономический ущерб».

29 ноября 2021 года на официальном сайте ПАО «Т.» размещено «Сообщение об отзыве доверенности», в котором ПАО «Т.» сообщает об отмене (аннулировании) в порядке пп. 2 п. 1, п. 2 ст. 188 ГК РФ с 27 ноября 2021 года всех доверенностей, выданных ПАО «Т.» до 27 ноября 2021 года включительно, за исключением доверенностей, выданных от имени ПАО «Т.» генеральным директором ПАО «Т.» Ш.

Судебной коллегией по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции, в том числе, в судебных заседаниях 30 ноября 2021 года и 07 ноября 2021 года, было рассмотрено уголовное дело № ... по кассационным жалобам на приговор К. районного суда города Т. С. области от 05 июля 2019 года и апелляционное определение С. областного суда от 26 ноября 2019 года, которыми М., М.С., Ко., Ц. и Р. осуждены к различным срокам лишения свободы.

Как следует из протоколов судебного заседания судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 года и от 07 декабря 2021 года, ПАО «Т.» по данному уголовному делу было признано потерпевшим, а ООО «То.» и компания «Тр.» привлечены в качестве гражданских ответчиков.

30 ноября 2021 года в судебном заседании представитель потерпевшего ПАО «Т.» – адвокат С. заявил о своем самоотводе, который судом был удовлетворен. 07 декабря 2021 года в судебном заседании представители гражданского ответчика «Тр.» – адвокаты К. и Ч. заявили о самоотводе. Самоотводы были судом удовлетворены.

Письмами от 24 августа 2022 года ПАО «Т.» обратилось к адвокатам К., Л., М., С., Ч. с требованием о возвращении полученных при исполнении Договоров документов, материалов и доверенностей.

В ответ на данные обращения адвокаты К., Л., М., С., Ч. в своем письме от 16 сентября 2022 года сообщили, что юридическая помощь оказывалась ими ПАО «Т.», а также членам органов управления и сотрудникам ПАО «Т.», в условиях корпоративного конфликта с миноритарным акционером – АО «О.». В настоящее время, с 27 ноября 2021 года фактический контроль над органами управления ПАО «Т.» принадлежит лицам, связанным с АО «О.» и действующим в его интересах.

Также адвокаты сообщили, что акты сдачи-приемки и отчеты по выполненной работе адвокатами, в том числе по денежным средствам,

указанным в требованиях к возврату, представлялись в предусмотренном договорами порядке и имеются в ПАО «Т.».

Из доводов жалобы заявителя ПАО «Т.» следует, что против адвокатов К., Л., М., С., Ч. выдвинуто дисциплинарное обвинение в неисполнении требований заявителя ПАО «Т.» о возврате ранее полученных материалов и доверенностей, выданных от имени ПАО «Т.» при исполнении Договоров, а также о представлении «детализированных отчетов» по оказанным адвокатами Бюро «услугам».

Рассматривая указанное дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что согласно п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката при отмене поручения адвокат должен незамедлительно возвратить доверителю все полученные от последнего подлинные документы по делу и доверенность, а также при отмене или по исполнению поручения – предоставить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе.

Данные требования направлены на формирование и поддержание доверительных отношений, возникающих между адвокатом и доверителем в связи с оказанием юридической помощи, а также на обеспечение беспрепятственной реализации доверителем его прав, в том числе в случае отмены им поручения. Обязанность адвоката представить отчет также может быть предусмотрена соглашением об оказании правовой помощи, однако представление отчета доверителю не является императивным требованием Кодекса профессиональной этики адвоката, а соответствующая обязанность возникает либо в случае получения адвокатом просьбы (требования) от доверителя, либо при наличии договоренности об этом между ними.

Исполнение требования о возврате адвокатом полученной в ходе оказания юридической помощи доверенности также является важным условием поддержания доверия к адвокату и адвокатуре, поскольку это исключает любые возможные риски предъявления к адвокату необоснованных обвинений в использовании доверенности для совершения действий, не соответствующих волеизъявлению доверителя и выходящих за рамки его поручения.

Адвокаты К., Л., М., С., Ч. выдвинутое против них дисциплинарное обвинение не признали и последовательно настаивали на том, что вплоть до 26 ноября 2021 года включительно, то есть до даты расторжения Договоров, адвокатами Адвокатского бюро «П.» ежемесячно предоставлялись доверителю ПАО «Т.» Акты сдачи-приемки с приложением отчетов, содержащих указание на юридическую помощь, оказанную доверителю, а также на том, что форма и объем таких отчетов были согласованы адвокатами с ПАО «Т.». Необходимость ограничения объема сведений, включаемых в отчеты, была обусловлена многочисленными следственными и иными процессуальными действиями, проводившимися в помещениях ПАО «Т.», а также связанными с этим рисками доступа посторонних лиц к сведениям, составляющим предмет адвокатской тайны. При этом доверителю было достоверно известно, какая именно юридическая помощь оказывалась каждым из адвокатов.

Адвокаты также указали на то, что подлежащих передаче ПАО «Т.» документов в их распоряжении не имеется. Это же относится и к доверенностям, которые были возвращены заместителю генерального директора АО «К.Т.» (управляющей организации ПАО «Т.») – К.

Данные объяснения адвокатов последовательны, непротиворечивы и подтверждаются имеющимися в материалах настоящего дисциплинарного производства доказательствами.

Из Соглашений о расторжении Договоров об оказании юридической помощи, заключенных с ПАО «Т.», следует, что у сторон отсутствуют взаимные претензии, в том числе и в связи с расторжением Договоров, и они признают надлежащее исполнение предусмотренных ими обязательств.

Кроме того, сведения об исполнении адвокатами К., Л., М., С., Ч. своих обязательств, сообщенные в ходе настоящего дисциплинарного производства ими и их представителем Б., соответствуют информации, ранее изложенной ими в письме от 16 сентября 2021 года председателю совета директоров ПАО «Т.» Т., генеральному директору ПАО «Т.» Ш., заместителю генерального директора по правовым вопросам ПАО «Т.» Л. Так, в данном письме сообщается, что «Акты сдачи-приемки и отчеты по выполненной адвокатами работе, в том числе по денежным средствам, указанным в требованиях к возврату, предоставлялись в предусмотренном договорами порядке и имеются в ПАО «Т.»».

Обстоятельств, позволяющих поставить под сомнение достоверность объяснений адвокатов К., Л., М., С., Ч. о возврате доверителю выданных им доверенностей, в результате дисциплинарного разбирательства не установлено. В свою очередь, заявителем ПАО «Т.» не представлено доказательств фактической выдачи вышеуказанным адвокатам каких-либо доверенностей, которые впоследствии ими не были возвращены, равно как и доказательств совершения вышеуказанными адвокатами каких-либо юридически значимых действий с использованием невозвращенных доверенностей.

Таким образом, учитывая содержание Соглашений о расторжении от 26 ноября 2021 года, в которых доверителем ПАО «Т.» констатировано отсутствие к адвокатам каких-либо претензий, вытекающих, в том числе, из расторжения Договоров об оказании юридической помощи, Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвокатов К., Л., М., С., Ч. в части дисциплинарного обвинения в невозвращении доверенностей заявителю ПАО «Т.» не опровергнута.

Исполнение адвокатами К., Л., М., С., Ч. обязанности по представлению отчетов об оказанной юридической помощи подтверждается представленными адвокатами в материалы дисциплинарного производства Актами сдачи-приемки (вх. № ... от 30.01.2023). В указанных Актах отражены сведения об адвокате Адвокатского бюро «П.», оказавшем юридическую помощь, о периоде оказания юридической помощи, о размере вознаграждения адвоката за оказанную юридическую помощь. Также в них приводились виды оказанной адвокатом юридической помощи без конкретизации каждого

совершенного адвокатом юридически значимого действия. Представителями заявителя эти обстоятельства не отрицались при дисциплинарном разбирательстве как в Квалификационной комиссии, так и в Совете.

Кроме того, фактическая передача заявителю ПАО «Т.» ежемесячных отчётов (Актов приемки-сдачи) по Договорам об оказании юридической помощи подтверждается и письмами заместителя генерального директора по правовым вопросам ПАО «Т.» Л. управляющему партнеру Адвокатского бюро «П.» – адвокату П. от 07 июня 2022 года № ..., в каждом из которых признается факт представления доверителю Актов сдачи-приемки, однако высказывается неудовлетворённость их содержанием.

Учитывая, что данные акты содержали перечень видов оказываемой юридической помощи, равно как и сведения об адвокате, ее оказавшем, Совет признаёт установленным вне разумных сомнений, что адвокаты К., Л., М., С., Ч. своевременно исполнили предусмотренную п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанность по представлению отчетов об оказанной юридической помощи доверителю ПАО «Т.».

Оценивая довод жалобы о ненадлежащем исполнении адвокатами данной обязанности, Совет отмечает следующее. Учитывая, что конкретные требования об объеме и содержании отчетов об оказанной юридической помощи Кодексом профессиональной этики адвоката (п. 6 ст. 10) не предусмотрены, в каждом случае при составлении отчета об оказанной юридической помощи его содержание определяется адвокатом, исходя из общих требований разумности и добросовестности.

Как следует из материалов настоящего дисциплинарного производства, в результате длящегося корпоративного конфликта АО «О.» и ПАО «Т.» 27 ноября 2021 года произошла смена корпоративного контроля над ПАО «Т.», что, в частности, привело к изменению ранее избранной ПАО «Т.» позиции по уголовному делу в отношении М., М.С., Ко., Ц. и Р. Это изменение выразилось, в том числе, и в отказе от поддержания 07 декабря 2021 года в судебном заседании судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции кассационной жалобы, ранее поданной ПАО «Т.» как потерпевшим на приговор К. районного суда города Т. С. области от 05 июля 2019 года и апелляционное определение С. областного суда от 26 ноября 2019 года.

То обстоятельство, что до 27 ноября 2021 года потерпевший ПАО «Т.» занимал принципиально иную позицию по данному уголовному делу, подтверждается как самим фактом обжалования вышеуказанных судебных актов в кассационном порядке, так и публикациями, размещенными на официальном сайте ПАО «Т.» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<www ... ru>) от 06 июля 2019 года и от 26 ноября 2019 года, в которых содержится критика вышеуказанных судебных решений.

В результате смены корпоративного контроля над ПАО «Т.» и связанного с этим обстоятельством изменения позиции данного общества, в том числе и по вышеуказанному уголовному делу, интересы ПАО «Т.»

вступили в противоречие с интересами других доверителей адвокатов Адвокатского бюро «П.», в том числе Компании «Тр.» и ее дочернего общества – ООО «То.», которые были привлечены к участию в вышеуказанном уголовном деле в качестве гражданских ответчиков.

Факт оказания адвокатами Адвокатского бюро «П.» юридической помощи ООО «То.», по крайней мере, с 2016 и компании «Тр.», по крайней мере, с февраля 2021 года подтверждается представленными в материалы дисциплинарного производства договорами об оказании юридической помощи от 21 июня 2016 года, от 01 декабря 2017 года и от 01 сентября 2020 года (вх. № ... от 27.01.2023), заключенными, в том числе, на оказание юридической помощи ООО «То.», а также Дополнительным соглашением от 01 февраля 2021 года № 1 к Договору от 01 сентября 2020 года, которым было предусмотрено оказание юридической помощи, в том числе, и компании «Тр.».

Учитывая комплексное оказание адвокатами Адвокатского бюро «П.», в том числе, адвокатами К., Л., М., С., Ч., юридической помощи ПАО «Т.», ООО «То.» и компании «Тр.» по широкому кругу вопросов, представление адвокатских производств и «детализированных отчетов» одному из доверителей в условиях явного противоречия их интересов, несомненно, подорвало бы гарантии сохранности адвокатской тайны, доверие лиц, обратившихся к адвокатам за оказанием юридической помощи, и создало бы угрозу нарушения прав этих лиц.

Аналогичные негативные последствия подобные действия повлекли бы и для лиц, утративших корпоративный контроль над ПАО «Т.», что подтверждается и позицией председателя совета директоров ПАО «Т.» Т. о том, что ПАО «Т.» «расценивает деятельность прежних органов управления как противоречащую интересам ПАО «Т.» и нанесшую предприятию значительный экономический ущерб», отраженной в публикации (пресс-релизе) «Об итогах внеочередного собрания акционеров ПАО «Т.» от 27 ноября 2021 года», размещенной 29 ноября 2021 года на официальном сайте ПАО «Т.».

Описанные выше обстоятельства смены корпоративного контроля над ПАО «Т.» именно в результате корпоративного конфликта подтверждаются совокупностью имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств, в том числе, Заявлением генерального директора АО К. «Т.» Б. о рейдерском захвате от 26 ноября 2021 года, в котором тот сообщил, что:

- 26 ноября 2021 года в районе 09.00 час. на территорию ПАО «Т.» «подъехало несколько машин ОМОН и Росгвардии», которые проникли на территорию завода и заблокировали въезд и выезд машин с территории, которые вывозят опасные химические вещества для нужд производства»;

- «ПАО «Т.» подвергается рейдерскому захвату со стороны миноритарного акционера АО «О.» путем незаконных действий сотрудников Росгвардии и ОМОН...»;

- «данные действия осуществлены в преддверии завтрашнего внеочередного собрания акционеров (27.11.2021), проведение которого

инициировано компанией «У.» для незаконной смены Совета директоров «Т.» и осуществления силового рейдерского захвата» ПАО «Т.» как прямого конкурента «У.»).

Кроме того, как следует из приобщенных к материалам настоящего дисциплинарного производства протоколов судебного заседания судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции по рассмотрению уголовного дела № ..., именно смена корпоративного контроля над ПАО «Т.» и последовавшее в связи с этим изменение позиции данного общества по делам, в которых адвокаты Адвокатского бюро «П.» оказывали юридическую помощь, в том числе и иным доверителям – Тр. и ООО «То.», обусловили заявления адвокатов К., С. и Ч. о самоотводе и вынудили их устраниваться от оказания юридической помощи.

Так, из протокола указанного судебного заседания следует, что 30 ноября 2021 года представитель потерпевшего ПАО «Т.» – адвокат С. заявил о самоотводе, который был им мотивирован, в том числе, отсутствием полномочий на представление интересов ПАО «Т.», а также конфликтом интересов по причине перехода контроля над ПАО «Т.» к «У.», что влечет невозможность сохранения статуса представителя потерпевшего ПАО «Т.», в том числе за адвокатом С., а также обязанность устраниваться от участия в производстве по уголовному делу в данном качестве.

07 декабря 2021 года в судебном заседании представители гражданского ответчика «Тр.» – адвокаты К. и Ч. заявили о самоотводе. В обоснование данного заявления они сообщили об обстоятельствах «смены руководства ПАО «Т.» на представителей АО «О.» и о том, что «в настоящее время правовые позиции руководителей и представителей ПАО «Т.» противоречат позициям, изложенным его представителями в судах первой и апелляционной инстанций по данному уголовному делу», а также по иным делам, в частности в рамках дела № ... о банкротстве гражданского ответчика по данному уголовному делу – ООО «То.» (100% дочернего общества Компании «Тр.»), находящегося в производстве, в том числе, Арбитражного суда С. области. В результате указанных изменений «интересы ПАО «Т.» стали формально противоречить интересам Компании «Тр.», не согласной с приговором» К. районного суда города Т. С. области от 05 июля 2019 года. Адвокаты К. и Ч. также сообщили, что ранее, до смены руководства ПАО «Т.» 27 ноября 2021 года и последовавшего «радикального изменения правовых позиций руководителей и представителей» ПАО «Т.», оказывали юридическую помощь ПАО «Т.», в связи с чем у них возникла обязанность устраниваться от участия в производстве по уголовному делу.

По результатам рассмотрения данных заявлений суд удовлетворил заявления адвокатов, приняв их самоотвод от участия в уголовном деле по указанным ими основаниям.

При этом 07 декабря 2021 года в этом же судебном заседании новый представитель потерпевшего ПАО «Т.» Л. не поддержал кассационную жалобу, ранее поданную представителями потерпевшего ПАО «Т.» –

адвокатами С. и Ма. на приговор К. районного суда города Т. С. области от 05 июля 2019 года и апелляционное определение С. областного суда от 26 ноября 2019 года и просил в ее удовлетворении отказать.

Оценивая приведенные доказательства в их совокупности, Совет приходит к выводу о том, что в сложившихся обстоятельствах адвокаты К., Л., М., С., Ч. при исполнении требований п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката были обязаны обеспечить их разумный баланс с требованиями о необходимости сохранения адвокатской тайны.

При этом Совет исходит из того, что согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. В соответствии с пп. 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя.

Вышеуказанные сведения адвокат не вправе использовать как в своих интересах, так и в интересах третьих лиц (пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В силу п. 1 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации.

В свою очередь, п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

Согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, правила сохранения профессиональной тайны распространяются на: факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

Без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по

возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу (п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени (п. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Применяя данные положения к установленным обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства, Совет приходит к выводу о том, что в сложившейся ситуации адвокаты С., К., Л., М., Ч. исполнили предусмотренную п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанность по представлению доверителю отчетов об оказанной юридической помощи в полном соответствии с критериями разумности и добросовестности, поскольку их профессиональное поведение определялось безусловным приоритетом сохранения адвокатской тайны.

Совет не может согласиться с позицией представителей заявителя ПАО «Т.», изложенной в заседании Квалификационной комиссии и отражённой в её Заключении, о том, что ПАО «Т.» не давало поручений об оказании юридической помощи иным доверителям, а также о том, что поскольку именно ПАО «Т.» выплачивало адвокатам вознаграждение и заключало Договоры на оказание юридической помощи, то именно ПАО «Т.» «является единственным клиентом», который имеет право получать всю необходимую информацию об оказанных услугах».

Как указано выше, заключённые с адвокатами договоры об оказании юридической помощи предусматривали её оказание как ПАО «Т.», так и назначенным этим доверителем лицам по широкому кругу вопросов.

При этом лицо, заключающее и подписывающее соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, и само лицо, которому оказывается юридическая помощь, в силу ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката являются доверителями адвоката, однако, имеют различные права по доступу к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи. Правом распоряжения сведениями, являющимися адвокатской тайной, и полным безусловным доступом к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи, обладает только доверитель, которому оказывается юридическая помощь (См., например, Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утверждённые Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол № 8) и опубликованные в Вестнике адвокатской палаты города Москвы 2019 № 2 (145). С. 127-131).

Таким образом, и до момента смены корпоративного контроля над доверителем ПАО «Т.» и возникновения противоречия интересов различных доверителей вышеуказанных адвокатов, ПАО «Т.» обладало правом на доступ лишь к той информации, которая была получена в ходе оказания юридической помощи непосредственно ему.

При этом, учитывая явный конфликт интересов различных доверителей адвокатов, возникший вследствие смены корпоративного контроля над одним из них (ПАО «Т.»), Совет признаёт, что адвокаты К., Л., М., С., Ч. в сложившейся ситуации были не вправе предоставлять ПАО «Т.» как «детализированные отчеты об оказанной юридической помощи», так и материалы адвокатских производств, поскольку это бы было равносильно жертвованию интересами одного доверителя в целях обеспечения интересов другого. Такое профессиональное поведение адвоката недопустимо.

Приходя к данному выводу, Совет исходит из универсальной применимости профессионально-этического требования о недопустимости предпочтения интересов одного доверителя другому (см., например, Разъяснения № 1 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О поведении при выявившихся противоречиях в интересах подзащитных» // Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2003. Выпуск № 1. С. 30-31).

Дополнительно Совет отмечает, что заявителем ПАО «Т.» не представлено каких-либо доказательств передачи адвокатам К., Л., М., С., ЧВ. каких-либо конкретных документов, равно как и доказательств их последующего удержания названными адвокатами.

Таким образом, презумпция добросовестности адвокатов К., Л., М., С., Ч. в ходе настоящего дисциплинарного производства не была опровергнута, и Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не усматривает нарушений норм законодательства и профессиональной этики адвоката в их профессиональном поведении, обжалуемом заявителем жалобы.

Кроме того, в связи с доводом жалобы о наличии по состоянию на 30 сентября 2022 года задолженности адвокатов Адвокатского бюро «П.» перед доверителем ПАО «Т.» в размере 37 441 713,64 рублей Совет разъясняет заявителю, что споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны, так как находятся за пределами их компетенции. По этой причине обстоятельства, связанные установлением стоимости фактически оказанной адвокатом юридической помощи, не могут быть предметом рассмотрения дисциплинарных органов адвокатского самоуправления, а все споры и разногласия между доверителем и адвокатом по этим вопросам разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе ПАО «Т.» от 15 ноября 2022 года № ... (вх. № ... от 22.11.2022) в отношении адвокатов:

К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы);
Л. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы);
М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы);
С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы);
Ч. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) –
вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения
норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая
Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков